

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНОВ + ДЭВИД СКОТТ

ДВЕ СТОРОНЫ ЛУНЫ

космическая гонка времен холодной войны

ПРЕДИСЛОВИЯ
НИЛА АРМСТРОНГА И ТОМА ХЭНКСА

Алексей Архипович Леонов
Дэвид Скотт
Две стороны Луны.
Космическая гонка
времен холодной войны
Серия «Герои космоса. Лучшие
книги о космонавтике»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70183807*

*Две стороны Луны. Космическая гонка времен холодной войны: Эксмо;
Москва; 2024
ISBN 978-5-04-197715-3*

Аннотация

Интереснейшая двойная автобиография советского космонавта Алексея Леонова и американского астронавта Дэвида Скотта – воспоминания и документальный рассказ о том, как «лунное соперничество» между СССР и США, переросшее в космический проект «Союз-Аполлон», положило начало эре научно-технического партнерства СССР и США.

Скотт и Леонов, как ведущие участники той беспрецедентной гонки космических достижений, очень уважали друг друга и, по

сути, больше чем кто-либо осознавали все проблемы, тяжесть испытаний и степень риска, который грозил сопернику.

Эти биографии, рассказанные с позиций двух очень разных культур и обществ, объединяет стремление настоящих исследователей участвовать в самых передовых космических событиях и уважение к техническим достижениям противоположной стороны.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	7
Введение	11
Пролог	16
Глава 1	28
Глава 2	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алексей Архипович Леонов, Дэвид Скотт Две стороны Луны Космическая гонка времен холодной войны

*Чарли Бассетту, исключительному
астронавту, ушедшему раньше времени, и Джими
Ирвину, моему партнеру в полете на Луну, лучшему
из лучших.
Д. С.*

*Сергею Павловичу Королёву, выдающемуся
ученому XX века, великому гражданину России,
основателю практической космонавтики, и Юрию
Гагарину, моему другу, с которым мы начали путь
в космос в один и тот же день – 4 октября 1959
года.
А. Л.*

**David Scott and Alexei Leonov
Two Sides of the Moon
Our Story of the Cold War Space Race**

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2004 by David Scott and Alexei Leonov

Foreword copyright © 2004 by Neil Armstrong

Introduction copyright © 2004 by Tom Hanks

This edition is published by arrangement with Ed Victor Limited and The Van Lear Agency LLC

© ИП Краснянский А.В., перевод на русский язык, 2020

© Дизайн обложки. Матвеева В.А., 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Предисловие

В книге «Две стороны Луны» Дэвид Скотт и Алексей Леонов рассказывают о подготовке и проведении самого сложного соревнования в истории, не относящегося к войне. Каждому из них довелось сыграть в нем жизненно важную и ответственную роль.

Во всех значительных состязаниях успех приходит к тому, кто оказывается наиболее умелым и подготовленным, и к тому, кому перепадает немного удачи. Безусловно, все эти обстоятельства сильно повлияли на каждую из сторон. Читатель найдет в книге детальное описание принятых стратегических решений и успехов, к которым они привели, проблем и трагедий той и другой команды. Пожалуй, нельзя сказать, что лунная гонка сама по себе предотвратила войну. Но тем не менее она стала отвлекающим фактором, подменившим военную лихорадку начала 1950-х, из-за которой две страны балансировали на грани военного конфликта. Соревнование было отчаянным, и оно позволило обоим государствам сделать шаг вперед по пути к достижению целей науки и познания. В конце концов, оно послужило основой для зарождения механизма сотрудничества между противниками; этому механизму суждена была долгая жизнь, сотрудничество поистине дало невероятно много для решения задач познания наших космических окрестностей и самой планеты Земля.

Принято считать, что космическая эра началась из-за холодной войны между Западом, ведомым Соединенными Штатами, и коммунистическим блоком, организованным Советским Союзом. Это не вполне отражает истину. Началом космических исследований стало научное событие, названное Международным геофизическим годом. 66 стран объединились, чтобы изучить и проанализировать планету Земля и ее многочисленные среды и оболочки в области океанографии, метеорологии, исследований солнечной активности, геомагнитных полей, верхней атмосферы, космических лучей и метеоров. По плану Международный геофизический год должен был длиться с 1 июля 1957 года по 31 декабря 1958 года. Фактически это были полтора Международных геофизических года. Такое конкретное время выбрали потому, что оно совпало с максимальной активностью солнечных пятен. Предполагалось, что все виды необъясненных электрических, магнитных и погодных явлений были так или иначе с ними связаны.

Советские и американские ученые понимали: если удастся поместить рукотворный объект на околоземную орбиту, он станет идеальной платформой с датчиками и приборами на борту, способной измерять и записывать множество характеристик естественной среды, изучению которых и посвящался Международный геофизический год.

Тогда они не понимали, что тем самым начали новое соревнование, которое впоследствии стало известно как «кос-

мическая гонка». Советы в самом начале вырвались вперед, успешно запустив первый искусственный спутник Земли. Еще сильнее они «ушли в отрыв», совершив целую серию никем не достигнутых ранее прорывов: первыми запустили на орбиту живое существо – собаку; первыми отправили в космос человека; их космонавт первым вышел из корабля в открытый космос; советская женщина тоже в космосе оказалась первой; они же первыми вывели в пространство многоместный космический корабль и первыми отправили беспилотные зонды к Луне, Венере и Марсу.

Программа Америки явно отставала, но вовсе не застыла. Американцам было досадно, но они с готовностью включились в гонку, полные решимости добиться успеха. Президент Соединенных Штатов Джон Ф. Кеннеди потребовал от Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства¹ отчитаться о возможности успешно конкурировать с Советами. Чиновники NASA ответили президенту, что США первыми не смогут запустить в полет космическую лабораторию, но у них есть слабый шанс первыми облететь Луну и, если вся нация приложит согласованные усилия, первыми доставить человека на ее поверхность. И Кеннеди, несмотря на то что в происходящем на космической сцене разбирался слабо, заключил, что Соединенные Штаты должны участвовать в гонке и выступить в ней хорошо. Он получил поддержку Конгресса и

---

¹ National Aeronautics and Space Administration, далее в тексте – NASA.

народа Америки. И гонка к Луне началась.

Книга рассказывает историю межнационального состязания с точки зрения двух важных ее участников. Они уважали друг друга. По сути, они больше, чем кто-либо, осознавали проблемы, тяжесть испытаний и степень риска, который грозил сопернику. Участники гонки, изредка пересекаясь на международных встречах и технических конференциях, понимали, что не вызывают друг у друга враждебности, но, учитывая, что принадлежат к враждующим сторонам, не знали, могут ли друг другу доверять.

Книга «Две стороны Луны» рассказывает о переплетении тактических особенностей советской и американской космических программ. Читатель увидит, как планы, разрабатывавшиеся в тренировочных и оперативных центрах Москвы и Хьюстона, претворяли в жизнь космонавты и астронавты, которые в космических кораблях отправлялись в чуждое людям пространство, чтобы учиться существовать и выживать в нем.

На Дэйва Скотта и Алексея Леонова легла невероятная ответственность принять командование космическими экспедициями и представлять свои страны в самом захватывающем и дорогостоящем соревновании в истории человечества. И книга, которую вы держите в руках, – их необыкновенный рассказ об участии в той гонке.

Нил Армстронг, 2004 г.

Введение

Если бы одно или два исторических события пошли иным путем, советский космонавт Алексей Леонов и американский астронавт Дэвид Скотт могли бы жить в 1960–70-х, пытаясь убить друг друга. Леонов на МиГе и Скотт на «Супер Сейбре» взлетали бы тогда для воздушной схватки, стремясь взорвать оппонента в небе, в соревновании двух мощнейших наций Земли за политическое, военное и социальное доминирование.

Леонов и Скотт были крайне опытными и натренированными до уровня экспертов пилотами, владевшими самым передовым оружием из арсеналов своих стран. Каждый из них верил, что именно на его родине живет лучше, чем где-либо, и что в его стране сложилось самое совершенное из возможных общественное устройство. Оба активно стремились к карьерному успеху в конкурентной борьбе, желая гордиться ролью первопроходца, победителя или хотя бы отличника. К счастью для них и для всего мира, события так и не вывели их на путь убийственного противостояния и ни один из них не поднялся в небо, чтобы уничтожить другого.

Вместо этого русские и американцы поднялись в небеса иначе – гораздо лучшим и совершенным способом. Леонов, который в глубине души был художником, стал космонавтом – поистине первым человеком, который отправился в оди-

ночный полет в открытый космос, единственным в то время, кому удалось увидеть любимую Землю и мать-родину с космической высоты лишь сквозь прозрачное забрало скафандра. Инженер и мечтатель Скотт стал командиром самой первой из экспедиций на Луну, в которых провести исследования было важнее, чем просто выполнить посадку, прогуляться по поверхности и собрать горстку камней. Он водил колесную машину по лунным просторам, ездил на ней день за днем в поисках геологических сокровищ, обладавших для ученых такой же неизмеримой ценностью, как для теологов потерянный Ноев ковчег, если бы его удалось отыскать.

Эти два человека сотни раз за свою жизнь обводили смерть вокруг пальца. И в детстве, в самый мрачный период советской истории, и тогда, когда он лишь начал летную службу, и во время тяжелой программы подготовки космонавтов, которая проводилась без всяких поблажек, Леонов легко мог бы погибнуть по серьезным или случайным причинам. Поломка механизации крыла или руля высоты, отказ клапана или неверный расчет давления в космическом скафандре – все это могло бы привести его к смерти; то же самое случилось бы, замешкайся или засомневайся он на секунду в опасной ситуации. Дэйв Скотт, уже набравшись опыта после сотен часов полетов на проверенных и неопробованных летательных аппаратах, едва выжил, когда космический корабль «Джемини-8» буквально взбесился в воздухе вскоре после старта. Его посадка на Луну могла закончиться-

ся очень плохо, ведь ситуация была действительно серьезной, но Скотт блестяще вышел из нее живым. И тот, и другой могли бы погибнуть в пламени взрыва, если бы ракеты, на которых они собирались лететь, сдетонировали на стартовых позициях космодрома Байконур в Советском Союзе или мыса Кеннеди в Соединенных Штатах, и тогда погибший не заслужил бы право называться космо- или астронавтом.

И вновь ничего подобного не случилось. Оба сделали то, что делали все пилоты с того дня, как братья Монгольфье создали воздушный шар, способный поднять человека в воздух, – обвели смерть вокруг пальца. Они осознанно включились в азартную игру с единственной целью: получить заветное задание и выполнить его. Иногда им удавалось стать первыми. Часто они были самыми лучшими. И всегда они были блистательны.

Когда говорят о пилоте космического корабля (особенно это касается тех, кто участвовал в великой космической гонке между США и СССР), то, как правило, представляют его похожим на автомат, подстриженным бобриком парнем с ракетным топливом в крови, умом прямым, как логарифмическая линейка, и словарным запасом, состоящим из восклицаний «Ну и дела!» и «Все окей!» в ответ на вопросы. Как и любой стереотип, все это далеко от правды. Действительно, для того чтобы управлять самолетами, надо, в общем, разделять интересы с другими пилотами, но для того, чтобы заслужить право и ответственность выйти в открытый космос

или на поверхность Луны, требуется обладать выдающейся индивидуальностью. Нужно не только хотеть сделать это по каким-то непостижимым уму причинам, но и уметь проделать задуманное с выходящим за пределы понимания навыком.

Леонов и Скотт много сделали для того, чтобы объяснить все необъяснимое в книге «Две стороны Луны». И, слава Всевышнему, у них это получилось. Леонов наконец рассказал о секретах советской космонавтики простыми словами – и знаете, что оказалось? Коммунистические космопроходцы, которых нам надлежало бояться, брали с собой в космический полет *цветные мелки*, чтобы лучше передать цвета орбитального восхода солнца. А американцам, которые с такой легкостью скакали, как мячики, по лунным равнинам, требовалось целых два часа лишь на то, чтобы надеть на себя скафандры, и их попытки вытащить бур из грунта чуть было не закончились провалом.

Ничего из того, что делают люди в космосе, не является рутиной, и в полетах Алексея Леонова и Дэвида Скотта тоже не было ничего рутинного. Каждая секунда тех пяти полетов, которые они в общей сложности совершили, была уникальной, прекрасной, полной смысла и опасно неопределенной. И все же всякий раз, когда они возвращались на Землю, ни один из них не заявлял, что вернулся иным, тем, кто был в космосе и видел... *дух Вселенной*.

Нет. Гораздо важнее, что из космических странствий они

возвращались еще большими людьми, чем до того, как покинули наш мир с его воздухом, водой и сушей, чтобы увидеть Землю под собой или ее восход над горизонтом Луны. Такими до сих пор они и остались – художник Леонов и инженер-мечтатель Скотт. И оба они – Герои, Обманувшие Смерть.

Том Хэнкс, 2004 г.

Пролог

Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели.

Константин Циолковский (1857–1935), отец русской космонавтики

Человек должен подняться над Землей, в верхние слои атмосферы и за ее пределы, – только так он полностью поймет мир, в котором живет.

Сократ (469–399 г. до н. э.)

**Майор Алексей Архипович Леонов,
Военно-воздушные силы Советской армии**

Пилот космического корабля «Восход-2»

**ЗАПУСК: КОСМОДРОМ БАЙКОНУР, КАЗАХСКАЯ
СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА, 18
МАРТА 1965 ГОДА; СКОВАННОЕ СТУЖЕЙ УТРО, ЛЕГ-
КИЙ СНЕГОПАД**

Безмолвие космоса нарушали лишь звуки моего сердцебиения и дыхания, приглушенные головными телефонами внутри шлема. Я повис в 500 километрах над поверхностью Земли, и с моим кораблем «Восход-2», который мчался над

ней по орбите со скоростью 30 000 километров в час, меня соединяла лишь пуповина кабелей. И все равно казалось, будто я почти неподвижен и парю над огромным голубым шаром, на который натянута красочная карта. Подняв голову, я мог видеть, как искривлен земной горизонт.

– А Земля-то круглая, – тихо сказал я себе, и эти слова будто возникли откуда-то из глубин моей души. Какие-то мгновения я чувствовал себя полностью одиноким в этой первозданной новой среде и впитывал красоту расстилавшейся внизу панорамы взглядом художника.

Потом тишину наполнил голос:

– Внимание. Внимание.

Это был мой командир Павел Беляев; он обращался ко мне и, казалось, ко всему остальному человечеству тоже.

– Прошу вашего внимания, – очень серьезно произнес Паша. – Человек вышел в космическое пространство! Находится в свободном плавании!

Я не сразу понял, что он говорит обо мне.

Потом послышался другой голос:

– Как ты себя чувствуешь, Леша?

Он тоже звучал знакомо. Я не сразу понял, кто это, пока он не продолжил. Я его узнал – Леонид Брежнев. Меня потрясло и обрадовало, что он обращался напрямую ко мне. Никто не предупредил меня, что получу такую радиопередачу из самого Кремля, хотя и знал, что это был политически значимый момент. Я выполнял свою задачу в полете – совер-

шал первый выход человека в открытый космос, – и ковал новый триумф Советского Союза после того, как четырьмя годами ранее мой близкий друг Юрий Гагарин стал первым человеком, совершившим космический полет.

Потом я узнал, что в Кремле установили специальные мониторы, чтобы ведущие руководители Коммунистической партии могли следить за нашим полетом по прямой связи с центрами управления полетами – в Москве и Крыму. Обращение Брежнева ко мне почти сразу же транслировалось по государственному радио и телевидению Страны Советов. И так же транслировалось, что я отвечал, хотя в то самое мгновение я плохо понимал, что же именно мне следует говорить.

– Спасибо. Чувствую себя отлично. Я сделаю все, чтобы выполнить полетное задание. Увидимся на Земле, – вот и все слова, которые я смог подобрать в ответ.

Наш радиообмен не мог продолжаться долго, потому что мне следовало выполнить определенную работу, и, как оказалось, гораздо более тяжелую, чем я ожидал. Все время, пока я находился вне корабля, я был повернут лицом к Солнцу. На меня обрушивался невероятной силы поток света и жар излучения. Я чувствовал, как на лице выступает пот и капельками собирается под воротом.

Скафандр, в котором я работал, был исключительно тугим и негибким, и мне приходилось изо всех сил напрягаться, сражаясь с раздутой резиновой оболочкой, чтобы суметь согнуть руки и ноги. Я находился в пустоте космоса, и на

меня не действовала сила тяжести, способная дать мне опору. Даже малейшее движение требовало огромных усилий. Не планировалось, что проведу вне корабля так много времени. До полета очень боялись, что для выхода в открытый космос человеку придется преодолеть невероятный психологический барьер, поэтому меня опутали сетью датчиков, прикрепленных к моему телу. Они собирали информацию о моем пульсе, кровяном давлении и даже альфа-ритме мозга, и ее постоянно отслеживал Паша внутри корабля и Центр управления.

Пока я был еще самым первым в этом новом для человека царстве, мне хотелось хоть каких-нибудь приключений. Я с силой оттолкнулся от корабля, и тут же начал беспорядочно вращаться, кувыряясь через голову. И лишь моя «пуповина», страховочный трос с кабелями, не давала мне уплыть в далекий космос. Когда она развернулась до конца, меня ощутимо тряхнуло, и я остановился. После этого я с трудом вернулся к кораблю вдоль по тросу, перехватывая его ладонями в перчатках.

Когда я поравнялся с «Восходом-2», температура тела у меня поднялась еще выше, я очень устал. Я знал, что мне пора возвращаться внутрь корабля. В открытом космосе я провел уже больше десяти минут. На спине у меня был рюкзак с автономной системой жизнеобеспечения. Кислорода в ней хватало еще на 40 минут работы, и мне отчаянно хотелось пробыть снаружи как можно дольше. Но я знал, что не могу

так рисковать. Не только потому, что нарушил бы приказ, но и потому, что через пять минут наш корабль, двигаясь по орбите, должен был уйти с освещенной стороны планеты в темноту ночи. А мне еще предстояло проделать путь внутрь корабля через воздушный шлюз – узкий эластичный тоннель, стенки которого образовывали сомкнутые цилиндры из прорезиненной ткани и пройти через который было достаточно нелегко и без дополнительных трудностей работы в темноте.

Приблизившись к обрезу выходного люка, я понял, что у меня серьезная проблема. Скафандр так раздулся в пустоте, что ступни выскочили из сапог и пальцы не дотягивались до концов перчаток, прикрепленных к рукавам. Ни один из инженеров-создателей скафандра не предвидел такого; его испытывали в барокамере, где имитировалось давление, характерное для гораздо меньшей высоты, и он так не деформировался. Теперь же мой «костюм» настолько утратил прежнюю форму, что я не мог войти в шлюз ногами вперед, как на тренировке. Просто не мог. Мне нужно было найти другой способ попасть в корабль, и не мешкая.

Казалось, единственное, что мне оставалось, – протиснуться в шлюз головой вперед. Но даже для этого мне нужно было уменьшить размеры скафандра, стравив лишний кислород через встроенный дренажный клапан, что, однако, грозило мне кислородным голоданием. Если бы я стал советоваться с Центром управления, такое сообщение, без сомнений, всех бы там встревожило, да и времени на разгово-

ры не оставалось. Проблему мог решить только я сам, и я знал, что решать ее следовало быстро.

Входя в корабль таким образом, я должен был перевернуться в шлюзовой камере, чтобы закрыть за собой выходной люк. Это заняло бы гораздо больше времени, чем по первоначальному плану, и я не был уверен, что моя система жизнеобеспечения долго протянет. Радостное возбуждение, которое я чувствовал минуту назад, глядя на Землю подо мной, рассеялось. Я был заперт в раздувшемся скафандре, по лицу катился пот, а сердце было готово выскочить из груди. Я знал, что паниковать нельзя. Но время было на исходе...

**Майор Дэвид Рэндолф Скотт,
Военно-воздушные силы США**

Пилот космического корабля «Джемини-8»

*ЗАПУСК: МЫС КЕННЕДИ, ШТАТ ФЛОРИДА,
16 МАРТА 1966 ГОДА; БЕЗОБЛАЧНОЕ, ЯСНОЕ НЕБО*

День заканчивался, начиналась ночь. Она продлится лишь 45 минут, потому что мы мчались по орбите вокруг Земли в 20 раз быстрее скорости звука. Это был уже пятый наш закат со времени старта на «Джемини-8», и я знал, что в темноте, которая скоро должна была наступить, мы вновь потеряем чувство движения в неподвижном океане космоса.

В начале предыдущего короткого дня я четко ощущал наше движение, когда глядел сквозь одно из двух маленьких окошек корабля и наблюдал феерию воздушного свечения, вызванного сиянием солнечных лучей, проходящих через насыщенную влагой земную атмосферу. Когда солнечный свет забрезжил далеко за горизонтом планеты, ее широкая дуга увенчалась темно-синей каймой. Она быстро сменилась переливчатой цветной радугой – в ней по очереди появились голубой, фиолетовый, красный и оранжевый, пока красочные оттенки не померкли в ослепительном сиянии солнечного шара.

Но теперь, когда траектория полета убегала от восточного побережья Африки на просторы Индийского океана, контуры Земли под нами тускнели в гаснущем свете. Тут Центр управления впервые передал нам через контрольно-измерительную станцию Тананариве на острове Мадагаскар тревожную информацию.

– Если что-то пойдет не так и «Аджена» сойдет с ума, отправьте команду 400, чтобы ее отключить, и управляйте дальше при помощи систем «Джемини-8». Как поняли?

Мы переглянулись с командиром Нилом Армстронгом, но ничего не сказали друг другу. За семь месяцев с того дня, как нас отобрали для полета, мы провели столько времени вместе, что развили способность общаться, используя минимум слов. Мы практически научились читать мысли друг друга, как профессиональные игроки в баскетбол, которые умеют

делать пас не глядя, то есть отправляют мяч в сторону, не обращая туда взгляд, потому что точно знают, что там появится партнер по команде.

Мы оба понимали, что такое сообщение могло значить: с ракетной ступенью «Аджена» что-то не так; а именно с ней мы буквально только что выполнили самое первое в истории сближение и стыковку двух объектов в космосе. У аппарата под названием «Аджена», который теперь жестко соединялся с передним концом нашего космического корабля, была скверная репутация: несколько таких ступеней отказали во время испытаний, а у других начались серьезные проблемы после старта. Поскольку отправлять команды на борт «Аджены» входило в мои обязанности, я осмотрел панель управления ракетной ступенью и отозвался на сквозивший беспокойством запрос ЦУПа.

– Так точно, поняли, – передал я по радио на станцию Тананариве.

Когда мы вышли за пределы досягаемости контрольно-измерительной станции, я переключил освещение кабины на полную яркость и записал текущее время. Было ровно семь часов «от Земли» – именно столько времени мы провели в полете со старта, с нашей опорной отметки для всех этапов экспедиции. Отведя взгляд от часов, я глянул на «восьмерку»² со стороны Нила, особый прибор, показывавший поло-

---

² Flight Director Attitude Indicator (FDAI) – прибор в американских пилотируемых кораблях, своеобразный аналог авиагоризонта, демонстрирующий положение

жение нашего корабля, и он показывал, что мы движемся с креном в 30 градусов.

– Эй, Нил, мы накренились, – сказал я, и командир быстро кинул взгляд на такую же «восьмерку» на моей панели: она показывала то же самое.

– Ты прав, – подтвердил он. – У нас вращение.

Движение было столь медленным, что мы ничего не чувствовали. До определенных пределов тонкий механизм равновесия во внутреннем ухе человека не способен обнаруживать вращательные движения, и мы не могли увидеть, глядя в окно, что положение корабля изменилось, поскольку уже оказались в полной темноте. Но мы знали, что должны были двигаться прямым курсом без каких-либо вращений и отклонений. Так что явно что-то шло не так.

После сообщения от Центра управления мы оба заподозрили, что крен вызвала проблема со ступенью «Аджена». Поэтому Нил, приказав мне выключить ее реактивные двигатели ориентации, стал выравнивать оба соединенных друг с другом аппарата при помощи системы управления «Джемини-8». Сперва показалось, что мы были правы, а «Адже-

---

ние корабля и угловую скорость его вращения относительно инерциальной системы отсчета, привязанной к траектории движения аппарата (не зависящий от наличия поверхности Земли или другого планетарного тела вблизи). Неофициальное название «восьмерка» дали прибору астронавты за его внешнюю схожесть с восьмым шаром в американском бильярде и за важную, центральную «игровую роль» прибора в ручном пилотировании, тоже имеющую аналогию с бильярдом. – Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

на» вновь повела себя в соответствии со своей подмоченной репутацией. Когда корабль и ракета-мишень прекратили вращаться, я отдал дополнительную команду, чтобы остановить все программы на «Аджене». Но после этого мы снова начали вращаться.

– Я думал, ты выключил «Аджену»?.. – обратился ко мне с вопросом Нил, и я подтвердил, что все сделал.

– Тогда включи ее обратно, – приказал он, и я тут же послал ракетной ступени команду отменить предыдущее действие с кодом 401. Но мы все равно продолжали вращаться. Ситуация явно становилась угрожающей.

– Теперь выключи ее снова, – вновь потребовал Нил. Я отправил команду 400, и он получил возможность управлять обоими аппаратами посредством двигателей одного только «Джемини». Вращение вновь прекратилось, и мы стали внимательно изучать приборы, чтобы понять, в чем неисправность. Еще десять минут мы не могли связаться с Центром управления, и только попав в зону досягаемости следующей контрольно-измерительной станции, расположенной на судне «Костал Сентри Квебек», которое крейсировало у берегов Китая в западной части Тихого океана, смогли бы сделать это. Мы все еще занимались проверками, когда вращение началось снова. И опять Нил приказал мне выключить систему управления «Аджены».

– Она выключена, – подтвердил я. – Но я снова пошлю команду 400.

На сей раз то же действие ничего не изменило. Встревоженно глядя друг на друга, мы стали понимать, что скорость вращения начала расти. К этому времени мы уже возвратились на дневную сторону Земли и теперь своими глазами видели то, о чем нам говорили приборы. И то, что мы видели, выглядело угрожающе. За кромкой круглого корпуса ступени «Аджена», жестко закрепленной перед нами, виднелись две половины линии земного горизонта, похожие на стрелки гигантских часов: по одну сторону горизонта чернело небо, а по другую была глубокая синева родной планеты. «Стрелки» сначала двигались по кругу медленно, но потом стали вращаться быстрее, как если бы кто-то решил быстро подвести время на часах.

Нил пытался бороться с этим движением с помощью ручки управления. Но теперь мы вращались уже по всем трем осям: вращение по крену совместилось с качанием вверх и вниз «по тангажу» и вправо-влево «по рысканию». Впечатление, что мы смотрим на громадные часы, рассеялось, когда космический корабль нырнул носом вниз, продолжая вертеться, и голубая Земля сперва затопила все поле зрения, потом внезапно пропала, и на ее месте оказалась чернота космоса – и так снова и снова. Теперь казалось, что мы сидим в здоровенном и замысловатом серебряном жезле, который швырнула в космос марширующая на параде исполинская девушка-мажоретка, и он летит, вертясь.

Это стремительное движение порождало сильное напря-

жение в стыковочном кольце, соединявшем «Джемини-8» и «Аджену». Мы не видели ничего подобного тому, что с нами происходило, даже во время имитационных тренировок. Корабль потерял управление и стремительно вращался в пространстве. И через мгновение нас ждало нечто похуже...

Глава 1

Заболевшие небом

1932–1956

Алексей Леонов

В маленькой деревне Листвянка, затерянной в советской Центральной Сибири, где я родился 30 мая 1934 года, температура зимой опускается ниже -50°C . Малышом я слушал по ночам звуки из леса рядом с нашей бревенчатой избой, где покрытые льдом ветви деревьев трещали и раскалывались от мороза. От воды из горного ручья, которой наполнялся наш глубокий колодец, шёл пар, когда мы поднимали деревянную крышку над ним, чтобы обколоть сосульки. Эти сосульки мы с братьями обсасывали. Таким был наш способ быстро попить холодной и свежей воды.

Небо в этой глуши было всегда таким прозрачным, что я без труда верил в сказку, которую рассказывала мама, о том, что каждый вечер на луне зажигают тысячи костров, чтобы светить всю ночь.

Мне было всего три года, когда нам пришлось покинуть дом на окраине Листвянки, что недалеко от города Мариинска. Это случилось в январе 1938 года. В самые трескучие морозы середины зимы соседи вломились в наш дом, чтобы его разграбить. Они унесли наши съестные припасы, мебель

и даже содрали с нас одежду. Один из соседей приказал мне снять штаны, и я остался в одной только длинной рубашке.

Я живо помню, как в страхе, замерзая, бежал через лиственный лес, чтобы попасть к старшей сестре, которая должна была в тот день приехать домой в гости.

– Нам нечего есть! – заголосил я. – Мама плачет!

Она дала мне две большие буханки хлеба, которые я зажал под мышками и попытался бегом отнести домой. Но я был мал, а хлеба были тяжелыми. Я то и дело ронял их, поднимал и бежал дальше.

Наша семья потеряла все средства после того, как моего отца Архипа Алексеевича обвинили в том, что он враг народа. Его бросили в тюрьму по ложным свидетельским показаниям продажного соседа. Отец не один оказался в таком положении, арестовали многих. Это была часть сознательно проводившейся властями акции по уничтожению каждого, кто вел себя слишком независимо или проявлял характер. Это были годы сталинских чисток. Многие сгинули без следа в далеких исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа. Тогда мы не знали всех масштабов того, что происходило.

В те дни папа поддерживал Сталина и его политику коллективизации. Он верил в большевизм и идеалы революции. Но моя семья была связана с революционным движением задолго до 1917 года: еще во времена русской революции 1905 года отца моей матери выслали за революционную деятель-

ность из украинского Луганска³, где он работал механиком на мукомольной мельнице и организовывал нелегальные забастовки рабочих. Из Луганска мой дед отправился сперва в Ростов, а затем в Сибирь, где нашел работу шахтера. В молодости отец тоже работал углекопом в городе Шахты недалеко от Ростова, пока его не призвали в армию в начале Первой мировой войны. Когда война закончилась, он тоже переехал в Сибирь, где люди пользовались большей экономической свободой. Там он женился на моей будущей матери и начал крестьянскую жизнь на окраине деревни Листвянка. У родителей появилось 12 детей – семь девочек и пятеро мальчиков, но двое из моих братьев и сестра умерли, и нас осталось девять.

Отца выбрали председателем сельсовета Листвянки, и он пожертвовал всю свою собственность местному колхозу, в том числе свою красу и гордость – коня, которого он специально вывел, чтобы тот был быстрым, сильным и выносливым, чтобы переносить сибирскую зиму. Но вскоре председатель колхоза – насколько помню, какой-то татарин – забил отцовского коня на мясо. Когда отец поклялся отомстить, татарин состряпал историю о том, что отец якобы пересушил зерно, предназначавшееся для посевной. И тогда папу бросили в заключение без суда и следствия.

Нас стали считать семьей врага народа, на нас смотрели

---

³ В описанный период город Луганск относился к Екатеринославской губернии Российской империи.

как на шпионов и диверсантов. Нашим соседям разрешили прийти в наш дом и взять себе все, на что они положат глаз. Бери что хочешь. Старшего брата и сестер выгнали из школы. Мы могли остаться вообще без жилья. У нас не было выбора, пришлось уезжать из деревни.

Нам оставалось только поехать жить к другой моей старшей сестре, которая недавно вышла замуж и работала на стройке электростанции в Кемерове, за несколько сот километров от нас. Ей и ее мужу, который тоже работал на строительстве, выделили одну комнату в рабочем общежитии недалеко от предприятия. Моя тогда беременная мать, пять сестер, старший брат и я, младший из всех, на телеге, запряженной лошастью, отправились на железнодорожную станцию, чтобы переехать в общежитие к сестре. Я горько плакал и не хотел никуда уезжать. От холода нас защищали лишь несколько одеял.

Помню, как на станции нас с нежностью и заботой встретил свояк. Он приехал на больших конных санях; уложил нас, детей, в низ саней, как сардин в банке, и укрыл своим тулупом. Пока мы ехали к общежитию электростанции, он то и дело спрашивал меня:

– Ты не замерз, Леня? – так меня называли в детстве. А я отвечал:

– Да, я замерз.

Он останавливал сани и плотнее подтыкал тулуп вокруг меня перед тем, как продолжить путь.

Следующие два года наша семья из 11 человек ютилась в комнатухе в 16 квадратных метров. Я спал на полу под кроватью.

В конце концов отца реабилитировали и сняли с него все обвинения. Его бывший командир в полку латышских стрелков в период Первой мировой войны, который очень уважал моего отца как храброго солдата, потребовал провести над ним честный суд. Отцу не только выплатили компенсацию за неправомерное заключение, но даже предложили занять пост председателя колхоза, чтобы заменить нечестного и жестокого татарина. Но отец вместо этого предпочел приехать к нам в Кемерово и пойти работать на ту же самую электростанцию, где работали его дочь с мужем. Отец обладал волевым характером, он был сильной личностью. Он не вступил в Коммунистическую партию, но в коллективе заслужил уважение. Ему даже выдали одну из немногих «тарелок»-громкоговорителей, подсоединенных к общественной радиостанции, транслировавшей новости и информацию, что было знаком признания, которое он заслужил.

Нашей семье выделили еще две комнаты в рабочем общежитии. На денежную компенсацию папа приобрел кое-какую мебель, посуду и по пальто каждому ребенку. Правда, на обувь для всех нас ему не хватило. С тех пор нас считали одной из самых богатых семей в Кемерово. И в общежитии мы оказались единственными, у кого была машина для изготовления фарша. Мы превратились в «Леоновых, у которых

мясорубка». После этого мы не испытывали большого недостатка в еде. Но жить было по-прежнему нелегко.

Я приучился зарабатывать на лишнюю корку хлеба для семьи, рисуя картинки на беленых печах в соседских комнатах. Я любил рисовать, и родители помогали мне, покупая краски и карандаши. Бумага была в дефиците, так что я использовал оберточную. Позже я стал зарабатывать, расписывая полотна для соседей, чтобы они могли закрыть свои голые оштукатуренные стены. Мое рисование мало-помалу стало семейным предприятием. Папа помогал мне натягивать простыни на простой деревянный подрамник. Я превращал их в незатейливые картины, сначала грунтуя смесью муки с костным клеем, а потом зарисовывая масляными красками, изображая горные и лесные пейзажи. С раннего детства я очень хотел стать художником.

Но потом, когда мне исполнилось шесть, меня захватила другая мечта – стать пилотом. В первый раз она проснулась, когда я увидел летчика Военно-воздушного флота РККА⁴, который приехал пожить к нашим соседям. Помню, как лихо он смотрелся в темно-синей форме, снежно-белой сорочке, при галстукe и кожаной португее, пересекавшей его широкую грудь. Я был так потрясен, что все время таскался за ним, разглядывая его издали. Однажды он заметил, что я крадусь за ним по пятам.

– Почему ты ходишь за мной? – спросил он.

---

⁴ Рабоче-крестьянская Красная армия.

И я ответил прямо:

– Хочу когда-нибудь стать как вы!

– Почему бы и нет? – ответил летчик. – Тебе ничто не мешает этого добиться, если по-настоящему хочешь. Но, чтобы стать пилотом, тебе надо быть сильным. А еще надо прилежно учиться и каждое утро мыть лицо и руки с мылом.

Как почти все маленькие мальчишки, я не очень-то уважал мыло и воду. Но летчик потребовал у меня ответа:

– Ты обещаешь, что так и будешь делать?

Я едва сумел выдавить из себя «да», помчался в свою комнату, схватил кусок мыла и яростно стал тереть им лицо. И потом каждый раз, когда видел пилота, я подбегал к нему, чтобы показать чистое лицо и руки. Он улыбался и одобрительно кивал мне.

Пока рос, я был без ума от советских фильмов о летчиках, которые показывали в кинозале местного дома культуры. Помню, что у нас шел фильм под названием «Мужество»⁵, а потом еще один, «Истребители»⁶ – о пилоте самолета-истребителя и о маленьком мальчике, которому этот пилот спас жизнь. Я любил эти фильмы. Наверное, я их посмотрел больше десятка раз. Я начал мастерить модельки самолетов Красного воздушного флота. А потом появилась кни-

---

⁵ Художественный фильм 1939 года режиссера Михаила Калатозова по мотивам рассказов Георгия Кубанского.

⁶ Художественный фильм 1939 года режиссера Эдуарда Пенцилина с Марком Бернесом в главной роли.

га, которая мне тоже очень понравилась – «Повесть о настоящем человеке». В ней рассказывалось о летчике, которому ампутировали ноги после того, как его самолет сбили в бою, и он вновь научился не только ходить, но даже танцевать, а потом вернулся в небо. Эта книга многие годы лежала рядом с моей койкой. Она научила меня, что нельзя сдаваться ни при каких обстоятельствах.

Дэвид Скотт

Три десятка бипланов «Де Хавиланд Джени» плыли в безоблачном небе Техаса в тесном строю, образуя буквы «USA». Вспоминаю, как мама, склонившись ко мне, кричала, стараясь перекрыть рев двигателей и указывая на кончик буквы S:

– Там твой папа, Дэйви!

Я сидел на трехколесном велосипеде на переднем дворе нашего домика на аэродроме Рэндолф-филд недалеко от города Сан-Антонио. Помню, что держал маму за руку и был потрясен видом прекрасных аэропланов с открытыми кабинами, которые так легко скользили над нашими головами. Мама взяла карманную фотокамеру и запечатлела этот миг на фотопленку.

Фото, которое она сделала в тот день, с тех пор занимало самое почетное место в комнате отца. Несмотря на то что мне едва исполнилось три, когда мать сделала тот снимок, он всегда напоминал мне о той минуте детства, когда я вдруг

захотел стать летчиком, как отец. Потом я иногда одевался в его коричневую кожаную куртку пилота Корпуса армейской авиации с толстым меховым воротником, натягивал кожаный шлем и летные очки и представлял, будто тоже парю в небе над нашим домом на аэродроме Рэндолф (в честь которого мне дали второе имя). Отцовская офицерская форма из френча, бриджей, ремня с португеей и церемониальной сабли была мне, конечно, чересчур велика. Но эта летная куртка, казалось, была впору даже маленькому мальчику, пусть даже ее полы и свисали мне до пят.

Лишь когда мне исполнилось 12, отец впервые смог взять меня с собой в полет: правила авиационного Корпуса были очень строги. Но когда я был младше, иной раз он сажал меня в кабину аэроплана, стоящего на аэродроме, и позволял почувствовать в своих руках рычаги и прикоснуться к панели управления самолетом. А еще бывало, что папа, пролетая над нашим участком, выбрасывал из кабины маленькие парашютики, утяжеленные камешком. Камни были обернуты в бумагу с простыми посланиями для меня, например: «Дэвиду. С любовью, папа». Эти маленькие записки, которые, трепеща на ветру, спускались ко мне, еще больше укрепляли во мне намерение однажды устремиться в небо навстречу приключениям.

Притом мой отец, Том Уильям Скотт, попал в летчики чуть ли не случайно, заключив пари на пятничной вечеринке. Чтобы учиться в колледже, он работал на нефтепромыс-

лах Южной Калифорнии. Там он каждое лето бурил скважины и качал нефть, стараясь разделять заработок на свое образование и на то, чтобы обеспечить свою мать после ее развода с моим дедушкой. После распада того брака бабушка покинула канзасский Уичито и сперва отправилась во Фресно в Калифорнии, а после – в Лос-Анджелес. И хотя мой отец не любил говорить об этом, для него то время явно было непростым.

Окончив университет, отец устроился на административную работу в одну голливудскую киностудию. И как-то на пятничной вечеринке они с другом поспорили, что смогут пройти испытание по физподготовке, которое проходили желающие попасть в Военно-воздушный корпус Армии США. Уже в субботу они отправились сдавать норматив, выполнили его и записались в Корпус. Через пару дней папа уволился с работы и стал летчиком. Он обучался той летной профессии, которая в те дни именовалась «летчик-перехватчик»; в Америке термин «летчик-истребитель» не приживался до самой Второй мировой войны. Тогда прошло лишь 10 лет после окончания Первой мировой войны, разгар Великой депрессии. Военно-воздушный корпус был небогат, поэтому отец летал лишь на старых бипланах наподобие «Де Хавиланд Джени». Но ему нравилось летать на таких аэропланах. Он жил этим. Когда родился я, он уже стал летчиком-инструктором и подолгу оставался дома, иногда отправляясь в рекламные турне Военно-воздушного корпуса Армии США.

Отец был шотландского происхождения и довольно прижимист. Пока я рос, деньги у нас не особо водились, но жили мы неплохо: армия заботилась о военнослужащих. После того как родители поженились, и папу перевели на Рэндолф-филд, где я родился 6 июня 1932 года, мы жили в большом двухэтажном доме с оштукатуренным фасадом. Из удрушающей жары Сан-Антонио, спастись от которой до изобретения кондиционеров было просто невозможно, мы ненадолго переехали на авиабазу в Индиане, а потом отца отправили служить на Филиппины.

За несколько дней до Рождества 1936 года мы взошли на борт старого армейского транспортного корабля, направлявшегося к Маниле на Филиппинских островах, где нам предстояло относительно комфортно провести следующие три года. Теперь мама распорядилась небольшой армией слуг, взявшей на себя заботы по дому, и у нее появилось время на игры в бридж и маджонг, а еще на путешествия. Оба моих родителя ездили в Китай, хотя и по отдельности из-за рискованности такого вояжа. После японского вторжения в Китай в 1937 году регион стремительно погружался в пучину войны, то же самое происходило на другом краю света, в Европе. Но я был маленьким мальчиком и не замечал того, что творилось. Каждый день, возвращаясь домой из школы на запряженной мулом тележке, я больше всего заботился о том, чтобы научиться залезать на кокосовые пальмы.

Дома у нас, однако, царил жесткая дисциплина. Отец был

строгим, но любящим. Он разговаривал сильным, бодрым голосом. Я всегда обращался к нему «сэр», к матери – «мадам», и каждый вечер у нас дома проходил официальный ужин. Папа устанавливал очень высокую планку. Он всегда был очень организованным и аккуратным и ожидал от меня того же. Отец разъяснял правила, и я им следовал, иначе было невозможно. Каждый раз, когда я переходил границы, меня заставляли сидеть в углу носом к стенке. Я был очень тихим мальчиком – не застенчивым, а сдержанным. Это иногда сердило отца, и он говорил мне:

– Ну-ка, выйди и наваляй им!

Помню, когда мне было шесть, я участвовал в общем заплыве на Филиппинах. Это было соревнование в бассейне, но о правилах мне не рассказали. Когда выстрелил стартовый пистолет, я огляделся и дождался, пока все мальчики прыгнут в воду. Когда все нырнули, я подумал: «Окей, теперь моя очередь» – и тоже прыгнул. Мне казалось, именно так я и должен поступить – проявить вежливость. Разумеется, я финишировал последним. Папа очень расстроился. Он объяснил в недвусмысленных выражениях, что мы все должны были оказаться в воде одновременно.

– Не жди других мальчиков. Стартуй с самого начала! – сказал он.

Отец не терпел мягкотелых. Он воспитывал меня без лишних церемоний.

Примерно тогда же, как я помню, мы с отцом вышли в от-

крытое море на маленьком моторном баркасе, чтобы встретить океанский лайнер, на котором мама возвращалась из поездки в Китай. Дул сильный ветер, и нас швыряли по морю высокие волны.

– Вон твоя мама, у перил! – крикнул мне отец. – Помашите маме!

А мне было совсем не весело: я и сейчас помню, как неуютно себя чувствовал в маленькой лодочке. Но мне ничего не оставалось, кроме как ответить: «Есть, сэр!» – и помахать.

Когда отец в декабре 1939 года получил приказ вернуться в Соединенные Штаты, мне было уже семь. Я хорошо понимал, что транспорт, на котором мы возвращались в Штаты, был последним из уходящих с Филиппин судов с военными на борту. Позже разрешали уплывать лишь женщинам и детям. Многие друзья отца оставались на островах, и многие из них погибли, когда разразилась битва. Через два года после того, как мы прибыли домой, буря, которая собиралась все то время, что мы жили в Юго-Восточной Азии, обрушилась на Соединенные Штаты и напрочь перевернула мой маленький мир.

Срочный радиовыпуск новостей 7 декабря 1941 года сообщил, что японцы атаковали Пёрл-Харбор. Услышав это, отец дернулся как от удара электрическим током. Он тут же посадил меня в машину, и мы помчались к ближайшей аптеке, чтобы купить свежую газету. Мы не успели оглянуть-

ся, как отец уже получил приказ отправляться «за границу». Никто не знал, что значит «за границу». Я тогда и не подозревал, что не увижу папу следующие три года.

Мы вернулись в Сан-Антонио, штат Техас, и после того, как отец уехал, мама решила продать наш большой дом и перебраться в жилье поскромнее. Тогда у меня был братик – младенец Том, на семь с половиной лет меня младше. У мамы была довольно активная социальная жизнь, поэтому я много сидел с ним. Теперь нам приходилось жить без отца. Власти ввели карточную систему, и мама купила мне мотороллер, чтобы я сам мог добираться до школы и обратно. Тому нравилось, когда я катал его на мотороллере. Мама моя была не столь строга, как отец, и она решила, что, пока папа на войне, мне нужно больше дисциплины.

Так я попал в небольшую военную школу при Епископальной церкви. Там ко всем относились очень строго. Мы носили форменную одежду. Нас учили ходить строем. Каждому присвоили воинское звание. Если кто-то из нас острил или слишком умничал перед учителями, то мог заработать подзатыльник и оказаться под замком после занятий.

Но впереди нас всегда ждали летние каникулы, и это было невероятно прекрасное время. Мама понимала, что без отца мне нужен был другой живой образец мужского поведения, и на каникулах она оставляла меня с ближайшим другом отца по колледжу Дэвидом Шаттеком, в честь которого меня и называли. Он жил в калифорнийском городке Эрмоза-Бич.

Уезжая туда, я к тому же меньше рисковал попасть под удар эпидемии полиомиелита, которая тогда гораздо сильнее свирепствовала в Техасе, чем в Калифорнии.

Для десятилетнего мальчишки Эрмоза-Бич походил на рай. Из Сан-Антонио на поезде туда нужно было добираться трое суток. Я ездил самостоятельно, и вагонные проводники присматривали за мной. В городке я целые три месяца мог вообще не надевать обувь. Участок земли дяди Дэйва находился прямо на берегу, и на этом огромном акре песка можно было играть в волейбол и плавать. Вместе с жившими по соседству мальчишками мы брали с собой завернутые припасы для ланча и отправлялись в походы на мыс Палос-Вердес или на Венис-Бич, чтобы сходить в парк развлечений Фан-Хауз и покататься там на американских горках.

Дома же, в Сан-Антонио, я при любой возможности, когда выдавалась свободная минута, строил авиамодели. Я в деталях знал каждый американский, британский и немецкий самолет. С потолка моей комнаты свисали «мессершмитты», «спитфайры», «харрикейны», «мустанги» и «лайтнинги». Не помню, чтобы хоть раз усомнился в своем намерении стать пилотом, как отец. Я очень увлекался и фильмами об авиации, смотрел «Ангелы ада»⁷, «Утренний патруль»⁸. О, сколь-

---

⁷ Художественный фильм 1930 года режиссера Говарда Хьюза.

⁸ Художественный фильм 1938 года режиссера Эдмунда Гулдинга, ремейк более раннего фильма 1930 года режиссера Говарда Хоукса «Утренний патруль». В фильме участвовали звезды экрана того времени Эррол Флинн и Бэзил Рэтбуон.

ко раз я пересматривал эпизод, когда Эррол Флинн швыряет бокал в камин и отправляется в бой! Мне тогда такое нравилось. Разумеется, герои фильма летали на самолетах времен Первой мировой, и я не мог себе представить ничего великолепнее. Именно таким и должен быть настоящий полет. Пока мой отец во Вторую мировую войну находился в Европе, у нас был принят режим затемнения по ночам, причем даже в Техасе. Я был еще маленьким и воспринимал все как развлечение, но мы не знали, вторгнутся ли враги в Америку. Ходили слухи, что в Калифорнии заметили японцев. Мы погружались в новости о подготовке к высадке в Нормандии. Мы слушали выступления Черчилля и ловили в радиоприемнике знаменитые рузвельтовские «беседы у камина»⁹. Но об отце мы почти ничего не знали. От него нам приходили письма через почтовый адрес в Нью-Йорке. И мы понятия не имели, где же папа находился. Лишь в первое Рождество, которое мы праздновали без отца, я получил от него посылку с книгой об авиамоделях, в которой была открытка с текстом: «Дорогой Дэвид, веселого Рождества! Привет откуда-то из Англии. С любовью, папа».

Лишь вернувшись домой после окончания войны, он смог рассказать нам, что служил командиром авиабазы Бёртонвуд около города Блэкпула на севере Англии. Он отвечал за об-

---

⁹ Президент США Франклин Рузвельт с 1933 по 1944 год неоднократно обращался к нации по радио, высказывая свое мнение по вопросам экономики, политики, хода военных действий. Такие обращения снискали большую популярность и получили название «беседы у камина».

служивание и ремонт бомбардировщиков В-17 и В-24. Когда началась война, он был в звании лейтенанта, а вернулся с нее полковником. К тому времени, когда он ушел в отставку в 1957 году, его чин вырос до генеральского.

Алексей Леонов

Когда утром 22 июня 1941 года у нас дома зазвучало радио, мы сразу поняли, что Вячеслав Михайлович Молотов, тогдашний народный комиссар иностранных дел, выступает не просто так.

Помню, как он говорил:

– Сегодня, в четыре часа утра, германские войска пересекли западные границы Советского Союза и начали широкомасштабное наступление от севера до юга нашей страны. Красная армия сражается, чтобы отбросить эти войска¹⁰.

Женщины начали плакать, услышав это. Вот так мировая война оборвала мое детство. Для моей страны началось вре-

---

¹⁰ Выдержки из текста радиообращения В. М. Молотова к советскому народу 22 июня 1941 года: «Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более 200 человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории. [...] Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору» (Известия. 1941. № 147 (7523). 24 июня).

мя горя и мрака.

Линия фронта пролегла за многие тысячи километров от нас. Но уже очень скоро во временные госпитали в Кемерове, так же, как и в другие места по стране, начали прибывать поезда, полные раненых солдат. Приходили и другие поезда, с заводскими рабочими и разобраным производственным оборудованием, чтобы воссоздать заводы и фабрики вдали от фронта. Население Кемерова очень быстро удвоилось. Буквально за ночь вырастали химические заводы. Наш край быстро стал главным центром химической промышленности Советского Союза.

В последующие годы два таких завода взорвали те, кто принял сторону немцев. Погибли тысячи людей. Многие другие были ранены, в том числе одна из моих сестер. Все боялись, что фашисты могут использовать авиабазы в Иране, чтобы начать бомбить химические заводы в Сибири. Каждой семье приказали выкопать на огороде траншею, чтобы прятаться в ней во время возможного воздушного налета. Хмурая и тревожная атмосфера в стране начала меняться к лучшему лишь после того, как Красная армия нанесла поражение Гитлеру под Сталинградом в 1943 году.

Осенью того года я пошел в школу. Мне едва исполнилось восемь. Свой первый день в школе вспоминаю с неловкостью и гордостью одновременно. Было лишь первое сентября, но доски деревянного тротуара уже покрылись инеем. Моя мама, Евдокия Минаевна, вела меня за руку. Помню, как она

останавливалась поговорить со знакомыми и каждому с гордостью заявляла:

– Вот, еще один мой сегодня начинает учебу в школе!

А я глядел на свои босые ноги – ведь у меня не было обуви – и видел, как лед тает и вокруг моих ступней собираются лужицы.

Когда мы вошли во двор начальной школы № 35, я увидел, что и некоторые другие ребята были босиком. В ознаменование начала учебного года перед началом урока нас всех выстроили в ряд, и мы должны были скандировать: «Спасибо, товарищ Сталин, за наше счастливое детство!» Через несколько дней школьный комитет доставил к нам домой пару туфель для меня. Они были шоколадного цвета и восхитительно пахли свежей кожей. Но когда пригляделся к ним, я понял, что у них не шнурки, а ремешки: это оказались туфли для девочки. Но все равно я получил настоящее сокровище.

Вспоминаю, как в первый день в школе я таскал свои самые дорогие вещи в сумке от противогаза, которая низко свисала, колотя меня под коленки и мешая ходить. Там лежали несколько мелков, кусочки сухих акварельных красок, разложенных по спичечным коробкам, журнал, репродукции моих любимых картин и несколько моих собственных рисунков. Весь первый урок я думал, стоит ли показать одноклассникам, что у меня в сумке. Но решать не пришлось. На перемене мальчик, которому потом дали кличку Таракан, выхватил мою сумку и рассыпал все ее содержимое по полу.

Когда учительница вернулась, она увидела, что мои картинки валяются на полу.

– О, Алексей, – воскликнула она. – Да ты художник!

Это был первый раз, когда я понял, что могу делать что-то такое, что умеют не все. Это доброе воспоминание. Но те годы несли и много скорби.

Страшная жатва, которую собирала война, выкашивала жизни и советских солдат, и граждан. Нашей семье горе коснулось точно так же, как и любой другой в стране. За несколько лет было убито 20 000 000 советских людей. В западной части страны у меня оставалось четыре дяди и шесть двоюродных братьев – все они пошли сражаться за Родину и погибли. Многие наши соседи вернулись с фронта чудовищно искалеченными.

День, когда война закончилась в 1945 году, помню так же живо, как и тот, когда она началась. Я пас коров в поле, и вдруг мимо пробежали люди, крича и подпрыгивая. Они крикнули мне, чтобы я бросил коров и бежал с ними. Когда я добрался до дома, там все собрались вокруг радиоприемника-громкоговорителя, плача и смеясь. Все потихоньку доставали небольшие заготовки еды, прибереженные от пайков. У кого-то было немного вяленой рыбы, у кого-то – капуста или пара ломтиков хлеба. Мяса и фруктов во время войны не было ни у кого; правда, однажды детям на Новый год подали по мандарину, которые нам прислали из Китая – нашего союзника в то время. У других нашлось немного выпивки.

И мы устроили праздничный пир: пусть и очень скромный, но это был наш праздник.

Дэвид Скотт

День высадки союзных войск в Нормандии, или так называемый День D, 6 июня 1944 года, пришелся на мой день рождения. У меня еще ни разу не случилось такого. В каждой компании праздновали высадку, и казалось, что празднуют и мой день рождения тоже. До дня, когда Германия капитулирует, оставалось еще 11 месяцев, и вскоре после этого отец сможет вернуться домой. Там, в Европе, ему выделили легкий бомбардировщик Mitchell B-25, и, чтобы долететь на нем до США через Африку и Южную Америку, у него ушло несколько недель.

Я знал, что к его возвращению буду уже достаточно взрослым, чтобы он смог взять меня в мой первый полет на самолете. Я не мог дождаться полета. Он был потрясающим, пусть даже вначале я немного испугался. Как только мы взлетели, папа отправил самолет в каскад замысловатых фигур высшего пилотажа. Когда мы начали первую мертвую петлю, мне показалось, что нос самолета будет подниматься до бесконечности. Это было неожиданно, и я почувствовал себя неуютно. Но мы взмыли высоко над облаками, а потом спикировали обратно к земле, и поля, деревья, домики и машинки проносились под нами, как игрушечные, и я пережил самый большой восторг в моей жизни. Накатило головокружи-

тельное чувство свободы. Когда пришло время приземляться, я начал понимать, почему отец так страстно любил полеты. Лишь через много лет я ощутил трепет возбуждения, в первый раз самостоятельно пилотируя самолет. И я всегда твердо верил, что этот день настанет.

После войны мы снова переехали. На этот раз на авиабазу ВВС Марч около калифорнийского Риверсайда. Там я поступил в старшую политехническую школу. Она была огромной, в ней училось больше 3 000 ребят, и это заведение очень отличалось от маленькой военной школы, куда я ходил в Сан-Антонио. Во-первых, в риверсайдской школе учились и девочки. Из них готовили машинисток, и многие мальчики тоже записались на курсы машинисток, чтобы познакомиться с девочками. Это было замечательное время: вечеринки, игры в бильярд и свидания. Я не особо хулиганил в школе. Обычно я сидел где-нибудь на галерке и больше слушал, чем говорил, стараясь не вступать в споры. Но, как и раньше, отец требовал от меня «навалить им».

– Кончай торчать в задних рядах, – говорил он мне. – Выходи вперед и спорь.

На моих баскетбольных играх он сидел на боковой трибуне.

– Давай, вперед! Покажи им, на что ты способен! – кричал он.

Папа в детстве был заслуженным бойскаутом, поэтому я тоже пошел в бойскауты. Еще он любил играть в гольф, и я

возил за ним по полю тележку с клюшками. Он брал меня с собой на футбольные матчи, а еще учил водить машину.

Начав заниматься в риверсайдской команде пловцов, я стал рекордсменом. Я и не думал, что особенно хорош в плавании, но, видимо, годы, проведенные на берегу океана в Эрмоза-Бич, не прошли даром. Как потом оказалось, спортивная карьера в плавании многому меня научила. Я привык к соревнованиям, командной работе, привык терпеть нагрузки, показывать наилучший возможный для меня результат и приучился готовиться к важному событию мысленно и физически. Кроме того, на меня сильно повлияли три великих тренера: один – в старшей школе, два других – в Университете Мичигана и в Вест-Пойнте. В итоге меня заслуженно отобрали в команду страны по плаванию и в студенческую звездную команду по водному поло Восточного дивизиона.

Поэтому, когда отца снова по приказу перевели, на этот раз в Вашингтон, округ Колумбия, мы долго сомневались, оставаться ли мне в Калифорнии, чтобы окончить старшую школу и продолжать заниматься плаванием. В конце концов я все-таки поехал с родителями и закончил учебу в Джорджтауне. Но уже тогда я твердо знал, что мое самое большое желание – поступить в Военную академию США в Вест-Пойнте. Я лишь сомневался, смогу ли туда попасть. У меня не было связей ни с какими конгрессменами или сенаторами, которые могли бы оплатить мое обучение. Я сдал государственный экзамен на допуск к гражданской службе, что-

бы иметь хоть какое-то преимущество при поступлении. И одновременно выиграл на соревнованиях по плаванию персональную стипендию для обучения в Университете Мичигана. Осенью 1949 года я покинул дом и отправился туда, чтобы провести там год, такой короткий и в то же время такой длинный.

Иногда задумываюсь, почему же я решил тогда бросить все, что у меня появилось в Мичигане? Ведь я вошел в одну из самых лучших команд пловцов Америки. У меня был друг – сосед по комнате с собственным автомобилем, у меня появилась девушка. Мне там было здорово. Но уже следующей весной меня вызвали на медосмотр перед поступлением в Вест-Пойнт. И скоро предложили обучаться в академии. 4 июля 1950 года я сел на поезд в Оклахоме, куда теперь переехали мои родители, и отправился в Вест-Пойнт, в северную часть штата Нью-Йорк.

Хотя я отчаянно хотел быть пилотом, но не так уж сильно стремился к военной службе. Однако в вооруженных силах мне нравилось армейское товарищество и чувство локтя. После Второй мировой войны американская армия стала такой огромной, что чувство принадлежности к особому содружеству, как во времена молодости моего отца, уже пропало. Тем не менее за моим решением бросить учебу в Мичигане и пойти в Вест-Пойнт явно стоял отец. Он знал, что я мечтал летать, и хотел, раз ему так нравилась его собственная карьера, чтобы и я стал летчиком военно-воздуш-

ных сил. В те годы начать настоящую военную карьеру можно было двумя способами: окончить Военно-морскую академию США в Аннаполисе или Военную академию в Вест-Пойнте. Мне редко удавалось впечатлить папу успехами, но он всегда готов был дать мне хороший совет. И он был по-настоящему счастлив, когда мне досталось место в Вест-Пойнте. Этим достижением я его крайне порадовал.

Самый лучший совет в жизни, однако, я получил от молодого лейтенанта, с которым мы случайно встретились в плавательном бассейне, когда я приехал к родителям на лето. Когда я заявил, что собираюсь в Вест-Пойнт, он ответил, что самое главное – не терять чувство юмора. Я никогда этого не забывал. Лейтенант оказался абсолютно прав. Я понял это, как только оказался в Вест-Пойнте.

Там очень любили муштру, но в форме психического давления. Никто никого не бил. В академии были очень строгие правила, касающиеся физического контакта; вышестоящий по званию не мог прикоснуться к нижестоящему без его разрешения.

– Могу я дотронуться до вас, мистер? – спрашивал тебя офицер, если замечал приставшую к мундиру ниточку, перед тем, как ее смахнуть.

Но курсанты очень быстро приучались вести себя уважительно, дисциплинированно и исполнять приказы. Основная работа проводилась в первые два месяца. В это время курсанты жили в так называемых зверских казармах.

Ох уж эти зверские казармы... Там ты «становился зверем», и тебе говорили, что ты должен делать с утра и до самого вечера. Конечно, это унижительно, но в том-то и смысл. Каждый, кто попадал в Вест-Пойнт, был отличником и выдающимся парнем, но всех новичков надлежало сбросить с тех пьедесталов, на которые они уже успели влезть, и дать им понять, что каждый из них снова рядовой мальчишка, которому только еще предстоит всему научиться.

В самый первый вечер нас строем привели на мыс Трофи-Пойнт, где мы принесли курсантскую присягу. Это было замечательно и незабываемо. А потом началась тяжелая работа. Побудку трубили в 5:30; кто-то начинал орать, выстраивая курсантов в строй, и с этой секунды ты мчался во весь опор без остановки весь день. Ботинки должны быть начищены, винтовка должна быть начищена, форма должна быть безукоризненна. Времени на все постоянно не хватало. Когда мы заходили в столовую, нам давалось всего полчаса, и пока жевали еду мы, кто-нибудь непременно жевал мозги нам, постоянно задавая вопросы. Мы обязаны были учить наизусть и без запинки цитировать, например, определения дисциплины Скофилда¹¹ из маленького вест-пойнтового учебника – методички под названием «Подъём!».

Нас учили всему подряд – от академических дисциплин

---

¹¹ Генерал-майор Джон М. Скофилд, (1831–1906), участник Гражданской войны в США, позже Главнокомандующий Армией США. Знаменит высказыванием, сводящимся к тому, что в армии «свободной страны» офицеры должны устанавливать дисциплину, уважительно относясь к младшим по званию.

и военной истории до военной гигиены, разбивки лагеря и штыковой атаки. О, как я вспоминаю эти тренировки! Это самое тяжелое физическое испытание, через которое я когда либо проходил. Ты надеваешь берцы, футболку, берешь винтовку весом в пять с половиной килограммов с примкнутым штыком в ножнах, а затем бежишь к «дальней штрафной» ускоренным маршем – на дистанцию около 1200 метров. Там ты выполняешь эти самые упражнения со штыком: удар прикладом, режущий удар, укол, извлечение штыка, – а затем ускоренным маршем обратно. Мы были в отличной форме, но эти упражнения выматывали абсолютно. Они учили нас не останавливаться на полпути: даже если довел себя до физического предела – все равно продолжай действовать. Вторая мировая война закончилась лишь пять лет назад. На нас все еще влиял образ мыслей тех, кто шел на войну. Тогда мне это не нравилось. Я не видел в этом ничего веселого. Но оглядываясь назад, думаю, что, возможно, те четыре года стали самыми важными и решающими в моей жизни.

Я научился многому: дисциплине и подчинению, уважению и организованности, выработал привычку планировать все заранее, серьезно развил лидерские качества. Я понял, что быть лидером – значит, увлекать за собой, давать живой пример для подражания, а не давить. Я многое понял о людях и о самом себе. Я научился идти на компромиссы и уважать чувства других. Вест-Пойнт обвиняли во многих грехах, и не раз академию пытались дискредитировать. Но из

нее вышли непревзойденные лидеры: Дуайт Эйзенхауэр, Дуглас Макартур, Джордж Паттон. В мое последнее лето в академии нас отправили в Форт-Джексон в Южной Каролине, где мы набрались опыта в тренировке солдат и командования ими. Как офицеры мы отвечали за начальную подготовку новобранцев, которые после 16 недель в учебном подразделении отправлялись прямо на линию фронта в Корею.

В Форт-Джексоне требовалась уже серьезная работа, нужно было включать голову. Некоторые новобранцы приходили совсем юными, только что с фермы, не умели даже читать и писать. Но их набирали по призыву и отправляли на войну. Я многое узнал о том, как люди размышляют и реагируют, что их мотивирует, а что вводит в замешательство, почему они часто не понимают, зачем делают то, что делают, но все равно это делают. Позже это помогло мне разобраться в происходившем во Вьетнаме, понять, почему возникло антивоенное движение. Но этому только предстояло случиться.

Тогда все решал конфликт на Корейском полуострове. Война в Корее началась в том же месяце, когда я начал учебу в Вест-Пойнт. Мы, курсанты, через год очень внимательно слушали речь генерала Макарура в Конгрессе. Президент Гарри Трумэн отстранил его от командования после попытки расширить военные действия, развернув их и против Китая. Мы не могли пропустить эту речь. Она называлась «Старые солдаты никогда не умирают», и держал ее генерал великолепно. В сердца всех старых выпускников Вест-

Пойнта его отставка вселяла чувство горечи. Макартур был гениальным человеком. Но нам преподали урок, что нашей демократией управляет гражданская, а не военная администрация. Послание звучало предельно ясно: одно лишь то, что ты храбрый солдат и выдающийся генерал, не дает тебе права решать за всю страну. Такое право есть только у президента. Так мы узнали, как работает наша государственная система.

Но я мало следил за политикой. Кажется, я вообще не читал газет. У меня не оставалось на это времени. В основном мы изучали историю. Я знал о советской блокаде Берлина в 1948 году и о доставке еды в город союзниками по воздуху. Я знал о победе Мао Цзэдуна в Китае через год. Но Корейская война затмила для меня все эти события, особенно с тех пор, как отца послали туда командовать базой в Японии на острове Окинава еще в самом начале, и я знал, что он совершает боевые вылеты над Кореей. Мы думали, что тоже отправимся на фронт, как только выпустимся из Вест-Пойнта. Но война закончилась за год до моего выпуска. Ну а лекции по военной стратегии, конечно же, нам читали с прицелом на страну, где должна была разразиться следующая война – Россию, или, точнее, Советский Союз.

Многие наши инструкторы были профессиональными военными на трехлетнем контракте. Почти все они прошли поля Второй мировой войны. Помню, один из этих парней служил в Третьей армии генерала Паттона и читал нам лекции

по военной тактике. Это был неутомимый тип, который не уставал нас будоражить. Бывало, выставит вперед указку и задаст аудитории сакраментальный вопрос:

– А кто будет враг в следующей войне?

И потом, не давая никому времени ответить, хлестнет указкой по столу и как гаркнет:

– Россия!

Хлестнет снова:

– Россия!

И еще раз:

– Россия!

Мы читали дневники немецких генералов, воевавших на Восточном фронте. Дневники представляли собой непритязательные издания на родном для авторов немецком языке. Мы искали, что они писали о русских. «Остерегайтесь партизан», – писал один такой генерал. Немцы боялись русских. Нас же учили, что коммунизм плох по определению, что никто по доброй воле не согласился бы жить при коммунистическом режиме, поистине кошмарной общественной системе. И все же мир уже чувствовал в каждом уголке дыхание Советов и коммунизма, которые готовились весь этот мир захватить. Невзирая на смерть Сталина в 1953 году, никто не питал иллюзий, будто цель Союза изменится. Коммунисты не останавливались. Они пробирались повсюду. Угроза с их стороны сгущалась. Советы были врагом. Даже в нашей стране многие боялись «внутреннего врага». Эти страхи до-

стигли пика, когда сенатор Джо Маккарти развернул кампанию «по искоренению красных». В те дни я придерживался крайне консервативных взглядов и верил, что нам надо сметать коммунистов с дороги, где бы мы их ни встретили.

Алексей Леонов

В детстве я свято верил, что наша страна – самая лучшая в мире. Я полагал, что все, что делает Советский Союз, непременно самое лучшее; что нет мощнее советских танков, быстрее советских самолетов и поездов, что никакая страна не может хотя бы сравниться с нами. Пропагандистская машина работала без перебоев.

Как одного из лучших учеников в классе меня пригласили в кружок во Дворце юных пионеров, и там я стал углубленно изучать искусство.

Несмотря на историю, которая случилась с отцом, он не переставал твердить нам, что надо верить в идеалы революции.

– Не надо критиковать всю систему из-за ошибок или преступлений отдельных людей, – говорил он.

Но никто не мог открыто говорить о том, что происходит в стране. Когда наша семья переехала в Калининград – порт на Балтике, где отцу после войны дали новую работу, – я познакомился с одним мальчиком в новой для меня средней школе № 6, и то, что он говорил, заставило меня во многом сомневаться. Он спрашивал, знаю ли я, сколько получает ра-

бочий в Америке и какие хорошие там машины. Так я впервые задумался: а нет ли на свете такой страны, которая смеет быть в чем-то лучше нас? Тогда мне исполнилось четырнадцать. Я был смышленным и начитанным. Но мне ни разу не попадалась книга, в которой я нашел бы правдивое описание американской жизни.

О том, что там бывали черные рабы и расовая дискриминация, я знал из «Приключений Тома Сойера» Марка Твена. Но потом меня разобрало любопытство. Я искал в местной библиотеке книги, в которых описывался бы американский стиль жизни. Я начал больше читать, включая Джека Лондона, Теодора Драйзера, Джеймса Фенимора Купера. Я не сразу изменил свои политические взгляды. Я все еще верил, что Советский Союз – самая лучшая в мире страна. Но постепенно начал понимать, что есть страны, где уровень жизни выше нашего.

Когда я учился в старших классах, умер Иосиф Виссарионович Сталин, и мы чувствовали настоящую скорбь. Каждый из нас получил по черной нарукавной повязке, и мы по очереди стояли на посту рядом с огромным портретом Сталина в вестибюле школы. Эту черную повязку я даже хранил как сокровище. Один приятель заметил, что лучше бы мне перестать цепляться за нее, но я не придавал тогда этому значения.

– Запомни мои слова, – говорил он. – Придет день, и ты сам сожжешь эту повязку.

Прошел год-другой, и с «верхов» начали доноситься сигналы о том, что при Сталине творилось противозаконие. Постепенно я начал осознавать, что происходило тогда. Я заключил, что Сталин был кровавым тираном, который нанес огромный ущерб моей стране.

Когда Никита Сергеевич Хрущёв занял его место на верховном посту и сделал заявление о развенчании культа личности Сталина, я нашел черную повязку, которую так берег, и бросил ее в огонь. Еще у меня был портрет Сталина, который я сам нарисовал. Я колебался, что с ним делать, – нарисовать что-нибудь поверх или тоже сжечь? И сжег его.

Лишь спустя годы страна стала меняться. Целое поколение, выросшее в атмосфере страха, не могло за ночь изменить свои взгляды и поведение. Еще целый десяток лет после смерти Сталина все старались следить, чтобы не сболтнуть лишнего.

– Осторожно. Оглядишься, – предупреждали все друг друга. – Замечай, кто тебя может услышать, до того, как начнешь говорить.

Жилось так, словно каждый в стране продолжал ждать стука в дверь – стука тех, кто придет его арестовать. Хрущёв начал десталинизацию. Он отменил некоторые самые репрессивные законы и начал демонтировать государственную машину угнетения. Но обстановка стала меняться лишь спустя время.

Дэвид Скотт

Близилась моя выпускная экзамены в Вест-Пойнте, и я думал уже не о том, как бы известить красных на корню, а о более насущном. Я хотел быть уверен, что после выпуска попаду именно в Военно-воздушные силы. Не всех выпускников направляли в тот род войск, куда им хотелось. За такую возможность жестко соревновались. За каждый предмет каждый учебный день мы получали оценки, и те, у кого сумма оценок оказывалась наивысшей, получали приоритетное право выбора. У меня были неплохие шансы. Я был одним из лучших в потоке: среди выпускников 1954 года я был пятым из 633 человек.

Когда пришло время собеседования для выбора места службы, я точно знал, чего хочу. Моим консультантом по выбору стал капитан Джон У. Майли, профессиональный солдат самого крупного калибра. Со мной он держался очень откровенно и был по-настоящему заинтересован в моем карьерном успехе.

Когда я зашел в кабинет Майли и отдал честь, он перешел сразу к делу.

– Вы уже решили, в каких войсках хотите служить?

Когда я сказал: «ВВС», – он явно удивился.

– Военно-воздушные силы? Но почему вы хотите именно туда?

– Но, сэр, я хочу летать, – ответил я. – Хочу быть пилотом.

– Пилотом? – переспросил Майли. – Вам не кажется, что

это несколько опасно?

Опасно? И это мне говорит ветеран Корейской войны. Ка-валер Серебряной звезды и нескольких медалей «Пурпурное сердце»¹². Тот, кто прошел через множество боев. Хромой вояка, повидавший многое. Воздушный десантник, гордость всей армии.

– Э-э, нет, сэр, – ответил я. – Думаю, меня все устраивает.

Когда я поднялся, чтобы уйти, он дал мне последний совет.

– Мистер Скотт, я хочу, чтобы вы запомнили одну вещь.

В пехотных войсках для вас всегда найдется место.

– Большое вам спасибо, сэр, – сказал я.

На самом деле меня так и подмывало ответить: «Капитан Майли, я хочу по ночам спать в теплой постели, а не в какой-нибудь промерзшей лисьей норе». Но я лишь отдал ему честь и ушел. Я получил место в ВВС. Но должен признать-ся, что если бы я не смог попасть туда, то последовал бы совету капитана Майли: я глубоко уважал его самого и его сослуживцев.

В конце лета 1954 года, прибыв для прохождения службы на авиабазу Марана в Тусоне, штат Аризона, я наконец-то оказался там, куда действительно хотел попасть, и начал летать. Полгода я проходил начальную летную подготовку, и

---

¹² Государственная награда США, вручаемая, как правило, каждому военно-служащему, раненому или убитому (посмертно) в результате действий противника.

делал это блестяще. Со мной работал отличный инструктор, Чонси П. Логан с позывным Цыпленок¹³; я же должен был к нему обращаться «Мистер Логан, сэр». Цыпленок был уса-
тым и румяным, с грубой кожей. Он был из тех авиационных
бродяг, которые ремонтировали и приводили в порядок са-
молеты времен Первой мировой войны, а потом летали на
них от одного захолустного городка к другому, ночуя в сара-
ях и на сеновалах и устраивая авиашоу для местных жите-
лей, катая их в аэроплане за доллар. Цыпленок Логан учил
меня летать, и учил хорошо.

Настоящее счастье летчика нельзя выразить лучше, чем
в сонете «Высокий полет», написанном девятнадцатилетним
пилотом ВВС Канады Джоном Гиллеспи Мэги, который по-
гиб, когда его «Спитфайр» столкнулся с другим самолетом в
облаках в декабре 1941 года. Незадолго до смерти он напи-
сал родителям в письме:

Пыль и печаль земли остались позади¹⁴,
И рев винта мажорной стал сонатой.
Я чайкой мчался в вантах бригантин,
Клубившихся в косых лучах заката.
Свобода! В лучших снах не знали вы,
Что можно так скользить, кружить и реять.
В просторе света с ветром мы смелí
В чертогах туч туманной влаги двери...

---

¹³ В оригинале – Chick.

¹⁴ © Перевод. Точка Лагранжа, 2014

Но выше – вверх, в темнеющую высь,
В манящий сонм потоков быстротечных,
Куда и лучшим из орлов не вознестись,
Легко поднялся я. И робко подступил
К подножью лестницы, ведущей в бесконечность,
И длань Господню на плече я ощутил.

В этих строфах выражено то самое пьянящее наслаждение, что я испытал, когда моя детская мечта стала явью. И я сам ее воплотил в реальность.

* * *

После Мараны меня перевели на авиабазу Уэбб около Биг-Спринга, штат Техас, – где-то посреди нигде, одна голая степь. Там мне предстояло научиться пилотировать реактивные самолеты, которые тогда были еще в новинку. И там же стало появляться много выбывших – летчиков, так или иначе не справившихся с программой подготовки. Но после шести месяцев на Уэббе я получил свои «крылышки». На самом деле, получил я их от отца, он был уже в звании полковника. Он приколот свои собственные старые крылышки к моей форме. Меня очень взволновала такая церемония.

После Уэбба я недолго проходил огневую подготовку на различных авиабазах в Техасе и Аризоне – обучался использовать реактивный истребитель как оружие. Тогда я впервые

летал на реактивных самолетах, смоделированных как истребители-бомбардировщики. Еще я научился доставлять к цели ядерную бомбу на одноместном истребителе. Интересная концепция, которая называлась «система бомбардировки с малых высот». После Хиросимы и Нагасаки прошло всего 10 лет, но теперь у нас имелись бомбы куда мощнее, чем сброшенные на японские города. Именно тогда я начал осознавать всю серьезность холодной войны. Быстро приближались дни, когда стратегия «гарантированное взаимное уничтожение» становилась реальностью: и Соединенные Штаты, и Советский Союз понимали, что, независимо от того, кто именно начнет ядерную войну, конец придет обеим странам. Мощность запасов ядерных вооружений на той и другой стороне означала, что в случае войны погибнет весь мир, но тем не менее обе стороны разыгрывали каждую карту в руках, чтобы уравнять свои ядерные силы с ядерными силами противника.

Все это придавало нам воинственности. Если те парни собирались сделать это, значит, придется и нам. Мы не думали о том, как скажется война на мирных людях наших народов. Если ты солдат и получаешь приказ отправляться в сражение, то ты идешь и сражаешься. Но нас вооружили не палицей, щитом и мечом, а ядерной бомбой.

К тому времени, как заканчивалось мое пребывание на авиабазе Люк в Финиксе, штат Аризона, я уже был готовым летчиком. Весной 1956 года меня перевели в Голландию, где

я стал пилотом 32-й дневной истребительной эскадрильи, базировавшейся в Сустерберге недалеко от Утрехта. Лучшего летчик-истребитель и желать не мог. Именно к этому я и рвался, к воздушному бою. Самый головокружительный способ летать – когда другой пилот заставляет тебя действовать на пределе возможностей, а ты стараешься обыграть его при помощи мастерства и интуиции.

Можно обучить тому, как стать хорошим пилотом, но не тому, как стать лучшим из лучших. Ключ – в твоей собственной координации и скорости реакции, но, возможно, самое главное – умение почувствовать малейшее изменение в движении собственного самолета. Это реально только в полете, когда сливаешься с самолетом в одно целое, и он становится продолжением пилота. Отчасти красота полета и состоит в этом чувстве превращения в часть прекрасной машины, которая делает тебя сильнее, дает возможность превзойти узкие рамки возможностей человеческого тела.

Погодные условия в Европе часто портились до невозможности, и наши навыки проходили суровую проверку. Летали мы на F-86 «Сейбр», а позже – на F-100 «Супер Сейбр», ведя учебные воздушные бои в любых погодных условиях. Регулярно мы летали в Северную Африку, Ливию и Марокко, чтобы проходить там тренировки по несколько недель, потому что там всегда стояла ясная погода. Труднее всего, однако, летать в плохую погоду в северной Европе. В те времена техника была еще очень простой. Средства навигации

оставляли желать лучшего. Все, что имелось в нашем распоряжении, чтобы найти базу, летя сквозь густые тучи – хиленькая стрелочка, указывавшая на 30-ваттный радиомаяк. Но если уж умеешь летать в таких условиях, то сможешь летать везде.

Тем не менее через полгода после прибытия в Европу я чуть было не прошел крещение огнем.

Алексей Леонов

Ближе к окончанию школы я твердо решил учиться в художественной академии. В то время в Советском Союзе было всего две стоящие художественные академии. Одна в Ленинграде, а другая чуть ближе, хотя и ее отделяли от меня 600 километров – в Риге, в Латвийской ССР. Весной 1953 года я отправился в Ригу в открытом кузове грузовика, чтобы подать заявление на поступление в этом же году.

Я позаимствовал у отца его лучший костюм, сшитый в стиле маоцзэдуновского френча. Я чувствовал, что все знаю и умею, но, прибыв на место, понял, что смотрюсь белой вороной. Тем не менее я не колеблясь двинулся прямо в кабинет директора академии художеств, убежденный, что меня тут же примут. Я взял некоторые свои работы и начал разговаривать так громко, что милостивая секретарша директора заглянула посмотреть, что тут за шум.

– Я хочу учиться здесь, – напрямую заявил я директору, когда тот спросил, по какому я вопросу.

– Тогда вам придется вернуться позже и пройти вступительный экзамен, – сказал директор.

Но потом он обратил внимание, что я держу под мышкой кипу рисунков, и попросил показать ему эти работы. Полистав мои карандашные наброски, акварели и копии портретов Шопена, Горького и Петра Великого, он заверил меня, что у меня есть все шансы учиться в этом вузе после окончания школы.

Покинув кабинет директора, я остановил молодого студента-художника, который попался мне в коридоре, и спросил у него, где и как он живет. Он сказал, что снимать комнату в Риге стоит 500 рублей в месяц, и моя мечта стать художником чуть было не пошатнулась. Я знал, что никак не могу позволить себе тратить такие деньги. Отец зарабатывал всего 600 рублей в месяц и должен был по-прежнему обеспечивать семью, а у меня больше никого не осталось, кто мог бы помочь.

Домой я вернулся унылым. Но вскоре решил, что вместо того, чтобы выучиться на художника, исполню другую свою мечту – стану пилотом. И записался на подготовку в военное училище. Родители меня поддержали. Один из моих двоюродных братьев, профессор, пытался меня отговорить, потому что считал, что мне лучше заниматься наукой, но теперь я видел себя только летчиком. Я подал заявление в Кременчугское авиационное училище на Украине. Конкуренция была жесткой. Но в сентябре 1953 года меня приняли в курсан-

ты.

Событие это считалось такой большой честью, что на вокзале меня провожала не только вся семья, но и все одноклассники. Когда мама поняла, что у нее не хватает денег на билет, чтобы пройти на вокзальную платформу, мои приятели скинулись для нее, а сами дружно полезли туда же через ограду. Поезд тронулся, мама начала плакать, а я забрался в угол для багажа и тоже разрыдался оттого, что пришлось расстаться с семьей.

Следующие два года я учился летать на винтовых самолетах в Кременчуге. После этого меня перевели в Высшую летную школу в Чугуеве, тоже на Украине, где я обучался еще два года. Там я осваивал уже военные реактивные самолеты. Я гордился, что добился этого уже в 20 лет. Очень скоро меня назначили помощником командира в звании сержанта для нашей команды курсантов, и я начал осваивать премудрости командования и приучаться нести за все ответственность, будучи еще очень молодым.

Все это время я не переставал рисовать, когда выпадала свободная минута. И чем больше я об этом думал, тем удачнее мне виделся мой расклад: я мог быть пилотом и продолжать заниматься искусством, которое оставалось моим самым серьезным увлечением. Тем не менее я не мог стать и профессиональным художником, и летчиком-истребителем одновременно.

Ко времени, когда я получил офицерское звание, отец уже

вышел на пенсию. Он подрабатывал, скашивая траву на военном аэродроме в Калининграде. Там отец часто оставался поболтать с пилотами, чтобы набраться у них всяких военных словечек и потом удивить меня их знанием. Когда я приезжал навестить родителей, он время от времени вставлял какие-нибудь фразы, одна из которых мне очень хорошо запомнилась.

– Не жди конца взлетно-посадочной полосы, чтобы начать тормозить, – улыбаясь, сказал мне отец. – И не откладывай любовь на потом.

Глава 2

Солдаты холодной войны 1956–1961

Лейтенант Дэвид Скотт

*32- Я ДНЕВНАЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ.
СУСТЕРБЕРГ, ГОЛЛАНДИЯ*

В октябре 1956 года советские танки вторглись в Будапешт, и мы готовились к началу войны. Восхождение Никиты Хрущёва к вершине власти в Советском Союзе после смерти Сталина сулило изменения в Восточном политическом блоке. Но реакция Советов на внутреннюю смуту оказалась жесткой. Выступления венгерских рабочих с требованиями предоставить им больше свободы начали жестоко подавлять; за несколько недель погибло 3000 человек.

Поскольку наша эскадрилья была передовым фронтовым подразделением, ее привели в полную боевую готовность. Все самолеты могли подняться в воздух и вступить в бой за час. Четыре сменные машины находились в пятиминутной готовности, с пилотами, сидящими в кабинах в ожидании команды к взлету. Еще восемь держали в получасовой готовности, а остальные борта эскадрильи – в 45-минутной. Мы

знали, что у русских гораздо больше самолетов: примерно четыре их машины на одну нашу. Пилоты у них тоже отлично подготовлены, так что у нас было не так много шансов выйти из боя победителями.

Нас обучали технике избегания плена и побега из него, чтобы не попасть в лапы врагу, если нас собьют. Однажды нас сбросили с парашютом в германский Шварцвальд. Нам поставили задачу не дать спецназу союзных сил поймать нас. Мы знали, что если нас возьмут в плен, то бросят в тюрьму и подвергнут допросам в корейском стиле. Нас заставят часами стоять перед ярким прожектором, всю ночь делать физические упражнения, будут лить на нас холодную воду, пытаться обвести вокруг пальца и вообще издеваться и унижать. Если специалистам по допросу удастся заставить кого-то из нас сболтнуть лишнее, его лишат летного свидетельства и отстранят от полетов. Из 50 человек, которые начали этот курс подготовки, лишь троим удалось пройти его, не попав в плен. К концу последнего дня испытания меня все-таки схватили, связали и кинули мордой в грязь.

Если бы началась война, нашей эскадрилье, скорее всего, пришлось бы биться в небе над Чехословакией. Поэтому нам раздали карты и деньги этой страны. К тому же нам должны были выдать личное оружие для самозащиты, если нас собьют. Но когда взорвалась обстановка в Венгрии, то все, чем мы располагали – это сигнальные ракетницы и малокалиберные пистолеты, чего категорически не хватало для ближне-

го боя. Пришлось действовать быстро, поэтому двое наших парней вскочили в самолет и помчались в Италию; там они на оружейном заводе Beretta накупили столько пистолетов, сколько уместилось в их самолет. Вернувшись, они разложили все оружие на длинном столе, и каждый из нас купил как минимум по три пистолета (да, нам пришлось покупать их за свои деньги) вместе с кобурой и патронами – так были раскуплены все восемь с половиной метров этого стола. В те времена у нас было не так уж много сложного снаряжения. Мы носили комбинезоны и высотно-компенсирующие костюмы плохо сочетаемых цветов, которые сидели на ногах как ковбойские чапсы¹⁵. Эти вещи достались нам по наследству со времен Второй мировой и Корейской войны. Пистолеты мы рассовывали куда попало, в том числе под мышки и в эти чапсы, не забывая о запасных патронах. После этого мы походили на персонажей голливудских фильмов, как будто выскочивших из комической сценки из жизни Дикого Запада.

Но нам было не до шуток: все было смертельно серьезно. Армия тоже находилась в повышенной боевой готовности и держала двигатели танков разогретыми. Надвигалась Третья мировая война. Мы действительно думали, что США встанут на защиту венгерских борцов за свободу, раз возникла такая группа людей, которые наконец-то захотели вырваться из коммунистического мира. Они были там, они сражались

---

¹⁵ Кожаные гетры для защиты ног при езде на лошади.

на улицах. Мы ждали, что Соединенные Штаты поддержат их так, как и обещали. Но этого не последовало.

Тогда я не мог понять, почему мы не ответили на прямую агрессию Советов. Это была уродливая глава холодной войны. Мы позволили, чтобы они расправились с венграми. По рангу я был в самом низу пирамиды субординации, чтобы представлять, что происходило за кулисами. Все, что я знал, так это то, что после недель пребывания в повышенной боевой готовности нашу эскадрилью перевели в обычный режим несения службы.

Лейтенант Алексей Леонов

ЧУГУЕВСКОЕ ВОЕННОЕ АВИАЦИОННОЕ УЧИЛИЩЕ, УКРАИНСКАЯ ССР

Когда началось венгерское восстание, наши газеты заполнили шокирующие фотографии. Мы видели изувеченные тела сторонников коммунистического режима; на трупах были вырезаны красные звезды – символы Советского Союза. Я чувствовал отвращение и негодование. Если бы мятежники не проявили такую жестокость, возможно, советские люди бы больше им сочувствовали. Для недовольства у венгров имелись свои причины. Венгерский коммунистический режим поставил страну на колени. Но повстанцы вели себя крайне разнузданно и жестоко. Они расстреливали, вешали,

сжигали заживо и тех, кто поддерживал коммунистов, и тех, кто просто не был с ними согласен.

Сейчас понимаю, что тогда мы не знали всей правды. Зато мы очень хорошо помнили, что Венгрия была союзником Гитлера во Второй мировой войне, и многие тысячи советских солдат отдали жизнь ради освобождения этой страны от фашистов. Считалось, что у нашей страны есть моральное право держать войска на территории Венгрии и что у советских гарнизонов есть право защищать себя.

Во время этих событий я только что окончил курс подготовки на винтовых самолетах Як-11 в Чугуеве и начал обучаться пилотированию МиГ-15. Нашу эскадрилью привели в полную боевую готовность. Мы готовились сражаться. Оглядываясь назад, думаю, нас вряд ли послали бы в бой. Мы были слишком молоды, еще учились. Мы олицетворяли будущее ВВС. Но нас преследовало ощущение, что мы готовимся к войне. Мне исполнился 21 год, и я был готов ко всему. Большинство из нас верили, что Запад не настроен вмешиваться в ситуацию в Венгрии и встречаться лицом к лицу со всей мощью Советской армии; Европа сыта по горло прошедшей войной. Мы оказались правы. Запад не вмешался. Восстание быстро подавили.

За годы учебы в Кременчугском авиационном училище и Чугуевском военном авиационном училище летчиков-испытателей я всегда получал на экзаменах высшие отметки. Но один раз я сделал неверный шаг. Я посмел послушаться

приказа украсить комнату в память о недавно скончавшемся маршале Советского Союза Георгии Жукове, военачальнике Красной армии во время Великой Отечественной войны. Я глубоко погрузился в подготовку к выпускным экзаменам и заявил, что украшу комнату после экзаменов. Это разозлило одного из моих преподавателей, и он снизил мне на балл оценку по своему предмету, теории марксизма-ленинизма. Меня это так расстроило, что я захотел пересдать экзамен. Но командир эскадрильи мне сказал, что не стоит этого делать:

– Не связывайся с этими шельмами. Они всегда найдут способ тебя завалить.

Зато я испытал большое облегчение, когда он пообещал мне дать возможность первым выбрать место несения службы.

Он выполнил обещание. Я решил отправиться в Десятую гвардейскую авиационную дивизию, дислоцировавшуюся в Вене. Я не знал, что, когда буду готов начать службу на новом месте, дивизию передислоцируют в Кременчуг, на тот самый аэродром, где я начинал обучение курсантом четыре года назад.

Когда мы готовились праздновать выпуск из училища, пришла поражающая воображение новость: 4 октября 1957 года Советский Союз запустил в космос первый искусственный спутник Земли. Узнав об этом, все сразу же с восторгом зааплодировали. Мы хлопали друг друга по спине и поздрав-

ляли с тем, что именно мы стали первой в мире страной, запустившей на орбиту искусственный спутник. Все очень гордились тем, что спутник показал миру высочайший технологический уровень СССР. Мы ничего не знали о том, как теперь станет развиваться космонавтика, и думали, что пройдет много лет, пока вслед за спутником на орбиту сможет отправиться человек, но меня уже пленил далекий космос.

Прошли считанные часы после запуска спутника, а советский поэт Николай Григорьевич Криванчиков написал короткое стихотворение, которое захватило мое воображение.

Год придет, и вылет межпланетный
Мы вот так же будем начинать!
Кто нам запретит мечтать об этом,
Если Ленин научил мечтать!
С нами недалекого свиданья
Все планеты во Вселенной ждут.
Мы проложим в пятом океане
Чкаловым завещанный маршрут!

Валерий Павлович Чкалов, один из самых знаменитых пионеров-авиаторов Советского Союза, был моим героем. Это стихотворение было для меня ценным всю жизнь.

Дэвид Скотт

Когда Советы запустили в космос первый спутник, я находился в пивном ресторане в Кёльне. Был Октоберфест, и

мне нравилось приезжать в эти дни в Германию, чтобы отве-
дать местного пива. И вот, мы собрались в ресторане – ком-
пания холостяков на отдыхе. Немцы подвесили под потолком
модель спутника, и, пока мы тянули пиво, настоящий спут-
ник мчался где-то там, высоко над головой, и слал повсю-
ду всем хорошо известные сигналы: «Бип-бип-бип!» Пом-
ню, как местные смотрели на нас, и я почти что слышал их
мысли: «Ну что же вы, американцы?! Русские уже запустили
спутник». Они все считали, что спутник был замечательной
штукой.

«Хм, но почему же у нас нет такого спутника?» – удив-
ленно и смущенно спрашивали мы сами себя.

Психологический эффект этого «бип-бип-бип», которое
слышалось с неба три недели, пока работало заключенное в
капсулу спутника радио, был очень значительным. Он заста-
вил нас куда серьезнее воспринять технические возможно-
сти Советского Союза. Тогда я размышлял об этом в основ-
ном в военных терминах. Это значило почти то же самое,
как если бы Советы изобрели новую, очень дальнобойную
пушку. Это, без сомнения, значительно усиливало их пози-
ции. То, что именно они отправили в космос спутник рань-
ше Соединенных Штатов, показало технические возможно-
сти и силу СССР. И это подчеркивало главное: на той сторо-
не железного занавеса против нас стоял очень сильный враг,
у которого, кажется, имелись оружие и боеприпасы лучше
наших.

Поскольку человека на борту спутника не было, я не думал, что он имеет какое-то значение для освоения космоса. Тогда еще не казалось, что блестящий шар в 83 килограмма и 600 граммов стал первым выстрелом советской «космической артподготовки» в завоевании пространства. Мы даже не могли подумать, что одним лишь этим ловким трюком Советы не ограничатся. Кто мог тогда предвидеть, что СССР или США скоро окажутся готовы послать в космос человека? Даже когда через месяц Советы отправили в полет «Спутник-2» с живой собакой на борту, полная значимость того, чего именно они пытаются достичь, до нас еще не доходила.

Из военной газеты *Stars and Stripes*¹⁶ я отрывочно узнавал, что наши собственные попытки запустить орбитальный искусственный спутник продвигаются не очень хорошо. Но газета никак не передавала ту тревогу, которая охватила нацию Соединенных Штатов из-за того, что русские обыграли нас в космосе. С помощью построенной Военно-морским флотом США ракеты «Авангард»¹⁷

---

¹⁶ «Звезды и полосы», ежедневная газета Министерства обороны США, издается с 1861 года.

¹⁷ Vanguard, трехступенчатая ракета-носитель с максимальной полезной нагрузкой при выводе на низкую околоземную орбиту 23 кг, разработанная в 1956 году фирмой Glenn L. Martin Company по заказу ВМФ США. Совершила до 1959 года восемь неудачных запусков и три успешных. С ее помощью на орбиту 17 марта 1958 года в итоге отправился искусственный спутник Земли «Авангард-1» (также в оригинале именующийся Vanguard).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.